

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановить за руку, примолвивъ:—Я имѣю съ вами поговорить! По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давнишній противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторіи.

— Извольте говорить,—отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь на морозѣ; пойдите въ корридоръ театра,—возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, корридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекою лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы поблѣднѣли:—милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадать ваше намѣреніе; по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно,—прибавилъ онъ насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь,—отвѣчалъ онъ, задыхаясь,—вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! כמו пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человекъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости, потому что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и наконецъ сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часть и разойдемтесь, вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ солопахъ въ корридоръ перваго яруса, начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ, пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія!.. Если угодно, завтра въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.—Драгся! я васъ понимаю, на смерть драгся!.. И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ!.. Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я желаю, чтобы вы жили вѣчно и чтобы я могъ вѣчно мстить вамъ. Драгся — нѣтъ, тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать, возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, постойте,—сказалъ чиновникъ, прійдя нѣсколько въ себя:—и выслушайте меня!.. вы думаете, что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрите, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чѣмъ вы? Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ, что хожу въ стугли. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка!.. Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора; она для меня друзья, и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ нея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду!..

Онъ остановился, глаза его наполнились слезами и кровью.

— И вы думали, что я съ вами буду драгся!..

— Чего жъ, наконецъ, вы отъ меня хотите?—сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы кажется забыли, что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человека ничего, шутка, погѣха!

— Я вамъ обещаю съѣсть моего кучера.

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія.

— Что жъ? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ не могу, не погублю ее!.. и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* ужъ подходилъ къ концу. Англичеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другаго края, не замѣтили его отсутствія.